

«Спросите вы Корчагину...»

Летом 1873 года в связи с болезнью печени Некрасов уехал лечиться за границу. Там он предполагал на основе прежних заготовок написать главу о встрече странников с чиновником и, кроме того, работать над главой «Губернаторша», как первоначально называлась «Крестьянка».

Из-за отсутствия каких-то материалов для главы «Смертушка», которые должен был прислать поэту А. Н. Ераков,¹ творческие планы поэта изменились, и он с энтузиазмом отдался работе над главой «Крестьянка», которая была написана за полтора месяца и напечатана в № 1 «Отечественных записок» за 1874 год.

«Не все между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.

В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:

...Спросите вы Корчагину
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша...»
Подумали — пошли.

¹ А. Н. Ераков — гражданский муж А. А. Буткевич. Некрасова связывали с ним не только родственные отношения, но и большая дружба. Охотиться на Шексну они ездили вместе, и Ераков был в курсе творческих планов Некрасова. К тому же Ераков был крупным чиновником Министерства путей сообщения и мог по долгу службы иметь какие-то дополнительные сведения об интересующих поэта трагических событиях. Отсюда просьба: «желал бы иметь от тебя к Диеппу материалы для Шексны» (25 июня 1873 г. — III, с. 648).

Хотя беседа странников с женщиной-крестьянкой и не вытекала из композиционной схемы «Пролога», глава эта в поэме глубоко закономерна и подготовлена всем ходом движения авторской мысли.

В годы, когда поэт еще только вынашивал замысел «Кому на Руси...», его глубоко волновали положение и судьба русской крестьянки (1863 — «Орина, мать солдатская», «В полном разгаре страда деревенская», «Мороз, Красный нос»), и эту тему он собирался развернуть в поэме-эпопее. Среди самых ранних набросков к ней есть листок, содержащий план-перечень эпизодов (или глав) задуманного произведения. В этот план внесены и 2 эпизода, обозначенные автором словами: «Баба — конь в корене» и «Губернаторша».²

Трудно сказать, во что собирался Некрасов развернуть эти краткие наметки, но ясно, что в первоначальный план поэмы входила глава, которая должна была показать роль женщины в крестьянском хозяйстве («Баба — конь в корене»), и, кроме того, поэт хотел ввести в «Кому на Руси...» какой-то эпизод, сущность которого обозначена словом «губернаторша».

Стихотворные наброски, сделанные поэтом несколько позже, проясняют смысл сюжета, обозначенного словом «Губернаторша». Речь идет о женщине, которая в поисках защиты от каких-то семейных и административных притеснений пришла в город и добилась помощи губернаторши.

Город, с которым с самых первых набросков связывает Некрасов место действия главы, имеет все признаки Костромы, и это не случайность. Экономическое развитие Костромской губернии складывалось так, что очень значительная часть крестьян уходила из деревень на отхожие промыслы. Женщина оставалась большую часть года главой семьи, а потому отличалась большой смелостью, самостоятельностью, инициативностью.³ Некрасов, наблюдавший быт костромской деревни, видимо, отметил, что именно здесь «тип величавой славянки / Возможно и нынче сыскать». Но в середине 60-х годов эти мысли и наблюдения Некрасова были зафиксированы лишь включением в план поэмы записей: «Баба — конь в корене» (т. е. не в пристяжке, а коренная) и «Губернаторша».

² Обладая превосходной памятью, Некрасов обычно «одним словечком» записывал возникший в его поэтическом сознании или услышанный от кого-либо сюжет.

³ См. об этом: Скатов Н. О реальных источниках поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Лит. в шк. 1964. № 4. С. 69—70.

Историю женщины, прозванной «губернаторшей», имеет, видимо, реальную основу,⁴ услышана поэтом от кого-то и привлекла его тем, что в ней ярко отразилась смелость и инициативность костромичек. Однако сюжетный замысел середины 60-х годов о судьбе крестьянки, удостоившейся губернаторской милости, был реализован Некрасовым лишь в 1873 году. Почему же именно в 1873-м?

В 1872 году вышел в свет I том «Причитаний Северного Края», собранных Е. В. Барсовым. Большую часть тома составляли похоронные плачи замечательной народной поэтессы, олонецкой вопленицы И. А. Федосовой. «Ее плачи-поэмы воскрешают все тончайшие переживания женщины-крестьянки середины XIX века и вместе с тем воспроизводят широкую картину общественной жизни крестьянства».⁵ Этим да еще резко зазвучавшими в них нотами социального протesta и привлекли Некрасова плачи Федосовой. Теперь он получал возможность вернуться к давно задуманной главе и рассказать о жизни и судьбе русской крестьянки, опираясь на багатейший, почти документальный материал повествований простой олонецкой крестьянки Ирины Андреевны Федосовой. Читая сборник Барсова, а также третью часть «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», в которой содержались в основном свадебные песни и причитания, Некрасов делает из этих книг многочисленные выписки. Отправляясь за границу, где он будет работать над «Крестьянкой», поэт берет с собой тома Барсова и Рыбникова. На основе творческой переработки народно-поэтических текстов и строит поэт в значительной мере рассказ Матрены Корчагиной.

Глава «Последыш» переключала основное внимание правдоискателей на народную среду. Поиски крестьянского счастья (Избыtkово село!) закономерно приводили мужиков к «счастливице» - «губернаторше», крестьянке Матрене Корчагиной. В чем же идеально-художественный смысл главы «Крестьянка»?

⁴ «Костромские губернские ведомости» за 1864 год содержат материалы, подтверждающие это. В 1864 году в Костроме была открыта больница (в черновых набросках главы героя передает свои впечатления от пребывания в больнице). В том же году городской голова Костромы А. А. Акаторов на свои средства открыл богадельню, а С. В. Акаторова (видимо, его жена) числилась в списках местных филантропов. Не здесь ли почерпнул Некрасов сюжет «Губернаторши»?

⁵ Соколов Ю. М. Некрасов и народное творчество // Лит. критик. 1938. № 2. С. 67.

В пореформенную эпоху женщина-крестьянка оставалась столь же угнетенной и бесправной, как и до 1861 года, и искать среди крестьянок счастливую было, по всей очевидности, затеей нелепой. Это ясно Некрасову. В набросках главы героиня-«счастливица» говорит странникам:

Я так думаю,
Что если между бабами
Вы ищите счастливую,
Так просто дурни вы (III, 502).

Но автор «Кому на Руси...», художественно воспроизводя русскую действительность, вынужден считаться с народными понятиями и представлениями, как бы убоги и ложны они ни были. Он лишь оставляет за собой авторское право рассеивать иллюзии, формировать более правильные взгляды на мир, воспитывать более высокие требования к жизни, чем те, которые породили легенду о счастье «губернаторши». Однако молва летит из уст в уста, и странники отправляются в селенье Клин. Автор получает возможность легенде противопоставить жизнь.

«Крестьянка» начинается прологом, который играет роль идейной увертюры к главе, готовит читателя к восприятию образа крестьянки деревни Клин, счастливицы Матрены Тимофеевны Корчагиной.

Автор рисует «задумчиво и ласково» шумящее хлебное поле, которое увлажнили «Не столько росы теплые, / Как пот с лица крестьянского». По мере движения странников рожь сменяется льнами, полями гороха и овощей. Развивается детвора («дети носятся / Кто с репой, кто с морковкою»), а «бабы — свеклу дергают». Красочный летний пейзаж тесно увязывается Некрасовым с темой вдохновенного крестьянского труда.

Но вот странники подошли к «незавидному» селению Клин. На смену радостному, красочному пейзажу приходит другой, мрачный и унылый:

Что ни изба — с подпоркою,
Как нищий с костылем.

Сравнение «убогих домов» с оставами и осиротелыми галочьими гнездами на обнаженных осенних деревьях еще более усиливает трагизм впечатления.

Прелести сельской природы и красоте созидающего крестьянского труда в прологе главы противопоставлена картина крестьянской нищеты. Пейзажным контрастом автор застав-

ляет читателя внутренне насторожиться и проникнуться недоверием к сообщению, что одна из тружениц этой нищей деревни и есть истинная счастливица.

Из деревни Клин автор ведет читателя в заброшенную поместью усадьбу. Картины ее запустения дополняют образы многочисленных дворовых: голодные, немощные, расслабленные, как распуганные прусаки (тараты) по горнице, расположились они по усадьбе.

Этой «дворне ноющей» противопоставлен народ, который после трудового дня («народ в полях — работает») с песней возвращается в село:

Легко вздохиули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц.

В окружении этого здорового трудового коллектива, внешне почти не выделяясь из него («Путь добрый! А которая Матрена Тимофеевна?»), составляя его часть, появляется в поэме Матрена Корчагина.

Очень содержательна и поэтически богата портретная характеристика героини. Первое представление о внешнем облике Матрены дает реплика крестьян села Наготина:

Корова холмогорская,
Не баба Доброумнее
И гляже бабы нет.

Сравнение — «корова холмогорская — не баба» — говорит о здоровье, силе, статности героини. Оно является ключом к дальнейшей характеристике, оно вполне соответствует тому впечатлению, которое производит Матрена Тимофеевна на мужиков-правдоискателей. В момент встречи с ними Матрена Тимофеевна —

Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива, волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.

Портрет предельно лаконичен, но дает представление и о силе характера, чувстве собственного достоинства («осанистая женщина»), и о нравственной чистоте и требовательности («глаза

большие, строгие»), и о тяжелой жизни героини («волос с проседью» в 38 лет), и о том, что жизненные бури не сломили, а лишь закалили ее («сурова и смуглa»). Суровая, естественная красота женщины-крестьянки еще более подчеркивается бедностью одежды: «сарафан коротенький», да белая рубаха, оттеняющая смуглый от загара цвет кожи героини.

В рассказе Матрены перед читателем проходит вся ее жизнь, и движение этой жизни, динамику изображаемого характера автор раскрывает через изменение портретной характеристики героини.

«Задумавшись», «закручинившись», вспоминает Матрена годы своего девичества, молодость; она как бы со стороны видит себя в прошлом и не может не любоваться своей былой девичьей красотой. Постепенно в ее рассказе («До замужества») возникает перед слушателями так хорошо известный по народной поэзии обобщенный портрет сельской красавицы. У Матрены в девичестве «очи ясные», «бело лицо», которое не боится грязи полевых работ. «День в поле прорабаташь», — рассказывает Матрена, а потом, помывшись в «жаркой баенке»,

Опять бела, свежехонька,
За прялицей с подружками
До полночи поешь!

В родной семье девушка цветет, «как маков цвет», она «добрая работница» и «петь-плясать охотница». Но вот наступает роковой час прощания с девичьей волей... От одной мысли о будущем, о горькой жизни в «чужой богоданной семеюшке» «блекнет бело лицо» невесты. Однако ее цветущей красоты, «пригожества» хватает на несколько лет семейной жизни. Недаром управляющий Абрам Гордеич Ситников «докучает» Матрене:

Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка!

Но идут годы, принося все новые и новые беды. Давно суровая смуглость сменила на окаменевшем от горя лице Матрены алый румянец; «очи ясные» глядят на людей строго и сурово; голод и непосильный труд унесли накопленное в годы девичества «дородство и пригожество». Исхудавшая, ожесточенная борьбой за жизнь, она напоминает уже не «маков цвет», а голодную волчицу:

Волчицу ту Федотову
Я вспомнила — голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!

Так социальными, условиями жизни и труда («Потуги лошадиные / Несли мы...»), а также психологически (смерть первенца, одиночество, враждебное отношение семьи) мотивирует Некрасов перемены во внешнем облике героини, утверждая в то же время глубокую внутреннюю связь между образами краснощекой хохотуньи из главы «До замужества» и седеющей осанистой женщины, встреченной странниками. Жизнерадость, душевная ясность, неиссякаемая энергия, присущие Матрене с юности, помогают ей выстоять в жизни, сохранить величавость осанки и красоту.

В процессе работы над образом Матрены Некрасов не сразу определил возраст героини. От варианта к варианту шел процесс «омолаживания» ее автором:

1. Была старуха бодрая
Годов под шестьдесят (III, 500).
2. Была старуха бодрая
Пятидесяти лет (там же, 501).
3. Здоровая и плотная
Лет сорока пяти (там же, 532).
4. Широкая и плотная
Лет тридцати осьми.

«Омолаживать» Матрену Тимофеевну заставляет автора стремление к жизненной и художественной правдивости. Женщина в деревне старела рано. Указание на 60- и даже 50-летний возраст вступало в противоречие с портретом героини, общим определением «красива» и такими деталями, как «глаза большие, строгие», «ресницы богатейшие». Последний вариант устранил несоответствие между условиями жизни героини и ее обликом. Матрена 38 лет, волосы ее уже тронула седина — свидетельство нелегкой жизни, но красота еще не померкла.

«Омолаживание» героини диктовалось и требованием психологической достоверности. Со времени замужества и смерти первенца Матрены прошло (если ей 38, а не 60!) 20 лет, а события глав «Волчица», «Губернаторша» и «Трудный год» еще совсем свежи в ее памяти. Потому-то так эмоционально, так взволнованно звучит речь Матрены.

Матрена Тимофеевна — не только красива, осаниста, здорова. Женщина умная, смелая, с богатой, щедрой, поэтиче-

ской душой, она создана для счастья. И ей в чем-то очень повезло: «хорошая, непьющая» родная семья (не у всех ведь так!), замужество по любви (часто ли такое бывало?), за�иточность (как не позавидовать?), покровительство губернаторши (экое счастье!). Удивительно ли, что легенда о «губернаторше» пошла гулять по деревням, что односельчане «ослалили» ее, как с горькой иронией говорит сама Матрена, счастливицей. И вот на примере судьбы «счастливицы» раскрывает Некрасов всю страшную драму крестьянской жизни. Весь рассказ Матрены — опровержение легенды о ее счастье. От главы к главе нарастает драматизм, все менее оставляя места наивным иллюзиям.

В сюжете основных рассказов главы «Крестьянка» («До замужества», «Песни», «Демушка», «Волчица», «Трудный год», «Бабья притча») Некрасовым отобраны и сконцентрированы самые обычные, повседневные и в то же время самые характерные для жизни русской крестьянки события: труд с малых лет, нехитрые девичьи развлечения, сватовство, замужество, приниженное положение и трудная жизнь в чужой семье, семейные ссоры, побои, рождение и смерть детей, заботы о них, непосильный труд, голод в неурожайные годы, горькая доля многодетной матери-солдатки. Этими событиями определяется круг интересов, строй мыслей и чувств крестьянки. Вспоминаются и излагаются они рассказчицей в их временной последовательности, что создает ощущение простоты и бесхитростности, столь присущих самой героине. Но при всей внешней будничности событий сюжет «Крестьянки» полон глубокого внутреннего драматизма и социальной остроты, которые обусловлены незаурядностью самой героини, ее способностью глубоко чувствовать, эмоционально переживать события, ее нравственной чистотой и требовательностью, ее непокорством и смелостью.

Матрена не просто знакомит странников (и читателя!) с историей своей жизни, она им «всю душу открывает». Сказовая форма, повествование от первого лица, придает ему особую живость, непосредственность, жизненную убедительность, открывает большие возможности для выявления самых сокровенных глубин внутренней, скрытой от глаз постороннего наблюдателя, жизни крестьянки.

Рассказывает Матрена Тимофеевна о своих невзгодах просто, сдержанно, не сгущая красок. Она по внутренней деликатности даже умалчивает о мужниных побоях и лишь после

вопроса странников: «Уж будто не колачивал?», смущаясь, сознается, что было и такое. Умалчивает она о своих переживаниях после смерти родителей:

Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А Вам нет нужды сказывать...

Почти ничего не говорит Матрена о тех минутах, когда ее подвергали позорному наказанию плетьми... Но этадержанность, в которой ощущается внутренняя сила русской крестьянки Корчагиной, лишь усиливает драматизм ее повествования.

Взволнованно, как бы заново переживая все, рассказывает Матрена Тимофеевна о сватовстве Филиппа, своих раздумьях и тревогах, рождении и смерти первенца. Детская смертность в деревне была колоссальна, и при гнетущей бедности семьи смерть ребенка подчас воспринималась со слезами облегчения: «господь приbral», «одним ртом меньше!» Не так у Матрены. За 20 лет не утихла боль ее материнского сердца:

Уж двадцать лет, как Демушка
Дерновым одеяльчиком
Прикрыт, — все жаль сердечного!

Она и теперь не забыла прелести своего первенца:

Как писаный был Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые... и т. д.

В душе у Матрены Тимофеевны и через 20 лет кипит гнев против почувствовавших добычу «неправедных судей». Именно поэтому столько экспрессии и трагического пафоса в ее проклятии «злодеям-палачам»...

«Злодеи! Палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!..
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!

Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!..»

Матрена прежде всего женщина, мать, вся отдавшаяся заботе о детях. Но, субъективно вызванный материнскими чувствами, направленный на защиту детей, ее протест приобретает социальную окраску, семейные невзгоды толкают на путь социального протesta. За дитя свое и с богом в спор вступит Матрена. Она, глубоко религиозная женщина, одна во всей деревне не послушалась ханжи-странницы, запретившей кормить детей грудью по постным дням:

Коли терпеть, так матери,
Я перед богом грешница,
А не дитя мое!

Настроения гнева, протеста, зазвучавшие в проклятии Матрены «злодеям-палачам», не глохнут и в дальнейшем, но проявляются в иных, чем слезы и гневные выкрики, формах: оттолкнула старосту, вырвала из его рук дрожащего, как лист, Федотушку, молча легла под розги («Волчица»). Но год за годом все больше накапливается в душе крестьянки еле сдерживаемых боли и гнева.

По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные... —

признается Матрена, в сознании которой, видимо, не без влияния деда Савелия (в его горенку бежит она в трудные минуты жизни!), рождается мысль о возмездии, расплате. Не может она следовать совету пословицы: «Держи голову поклонную, сердце покорное».

Я потупленную голову,
Сердце гневное ишу! —

перефразирует она применительно к себе пословицу, и в этих словах — итог идейного развития героини. В образе Матрены Некрасов обобщил, типизировал наблюдаемое им в 60—70-е годы пробуждение народного сознания, настроения зарождающегося социального гнева и протesta.

Сюжет главы «Крестьянка» автор строит так, что на жизненном пути героини возникают все большие и большие трудности: притеснения семьи, смерть сына, смерть родителей, «страшный год» бесхлебицы, угроза рекрутчины Филиппа, дважды пожар, трижды сибирская язва... Действительно,

только ногами «не топтана, / Веревками не вязана, / Иголками не колота» крестьянка Корчагина. На примере одной судьбы Некрасов дает яркое представление о глубоко трагических обстоятельствах жизни женщины-крестьянки и всего трудового крестьянства в «освобожденной» России.

Композиционная структура главы (постепенное нагнетание драматических ситуаций) помогает читателю понять, как в борьбе с жизненными трудностями складывается и крепнет характер Матрены Тимофеевны.

Но при всей типичности биографии Матрены Корчагиной есть в ней что-то выделяющее ее из ряда других. Ведь Матрену оставили счастливицей, о ней знает вся округа! Впечатление необычности, своеобразия, жизненной неповторимости судьбы и, главное, незаурядности натуры ее достигается введением главы «Губернаторша». Как же не счастливица-баба, у которой сама губернаторша сына крестила! Есть чему дивиться односельчанам... Но еще большее удивление (уже у читателя!) вызывает сама Матрена, которая, не желая склониться перед судьбой, больная, беременная, ночью бежит в неведомый ей город, «доходит» до губернаторши и спасает мужа от рекрутчины. Сюжетная ситуация главы «Губернаторша» раскрывает волевой характер, решительность героини, а также ее чуткое к добру сердце: участливое отношение губернаторши вызывает в ней чувство глубокой признательности, в избытке которой Матрена славит добрую барыню Елену Александровну.

Однако Некрасов далек от мысли, что «тайна довольства народного» заключена в барской филантропии. Даже Матрена и та понимает, что филантропия бессильна перед бесчеловечными законами существующего общественного порядка («крестьянские / Порядки нескончаемы...») и иронизирует над своим прозвищем «счастливицы». Работая над главой «Губернаторша», автор, очевидно, стремился сделать менее значительным влияние встречи с губернаторшей на дальнейшую судьбу героини. В черновых вариантах главы указывалось, что Матрене благодаря заступничеству губернаторши случалось выручать своих односельчан, что она получала подарки от своей благодетельницы. В окончательном тексте Некрасов опустил эти моменты.

Первоначально глава о Матрени Корчагиной называлась «Губернаторша». Видимо, не желая придавать эпизоду с губернаторшей слишком большого значения, Некрасов дает гла-

«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого!»

ве иное, широко обобщающее название — «Крестьянка», а рассказ о встрече Матрены с губернаторшей (он нужен, чтобы подчеркнуть необычность судьбы героини) отодвигает, делает предпоследним сюжетным эпизодом главы. В качестве же заключительного аккорда исповеди крестьянки Корчагиной звучит горькая «бабья притча» о потерянных «ключах от счастья женского», притча, выражающая народный взгляд на женскую судьбу:

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого!

Вспомнить эту полную безнадежности легенду, рассказалую захожей странницей, Матрену заставляет горький опыт собственной жизни.

А вы — за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы! —

бросает она с упреком странникам.

Легенда о счастье крестьянки Корчагиной развеяна. Однако всем содержанием главы «Крестьянка» Некрасов подсказывает читателю-современнику, как и где искать потерянные ключи. Не «ключи от счастья женского»... Таких особых, «женских» ключей для Некрасова нет, судьба женщины-крестьянки для него неразрывно связана с судьбами всего трудового крестьянства, вопрос освобождения женщины — лишь часть общего вопроса о борьбе за освобождение всего народа русского от социального гнета и бесправия. А на вопрос, способен ли народ найти ключи, большие ключи от всенародного счастья, Некрасов отвечает всем содержанием главы и смыслом ее основных образов: Матрены и Савелия, богатыря святогорусского.

Глава «Крестьянка» создавалась Некрасовым в канун второго демократического подъема, когда истинное знание народной среды, сущности народного характера становилось особенно необходимым. К каким же выводам привело многолетнее изучение народной жизни Некрасова?

Еще ни в одной из глав эпопеи «Кому на Руси...» автор не утверждал так вдохновенно мысли, что в народной среде таятся неисчерпаемые источники нравственной красоты, стойкости, богатырской моцки и свободолюбия. Последнее с особенной силой раскрывается в центральном эпизоде главы «Крестьянка», рассказе о Савелии, богатыре святогорусском.

«С большущей сивой гривою,
Чай, двадцать лет не стриженою,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил».

Совершенно закономерно, что именно в главе, характеризующей жизнь крестьянства, рассказанной женщиной-крестьянкой и тесно связанной с народным творчеством, появляется полубылинный (и такой конкретно-реальный!) образ «богатыря сермяжного», Савелия — одно из лучших и наиболее драматических созданий некрасовского гения.

С первых же слов Матрены о Савелии рождается ощущение богатырской его мощи. Огромный, «С большущей сивой гривою, / С большущей бородой» столетний старик не только «на медведя смахивал», но силой своей казался «страшней соxатого». Эпический, широко обобщающий смысл образа Савелия подчеркнут и в названии главы — «БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ». Каковы же истоки рождения этого образа и какое место он занимает в развитии идеиного замысла поэмы?

Импульсы, стимулировавшие работу творческой фантазии Некрасова, очень разнообразны. Возможно, что мысль о введении в главу «Крестьянка» образа крестьянина-богатыря подсказана федосовскими плачами. Так, в плаче «Об убитом громом-молвией» нарисован образ Ильи-пророка, который спрашивает у бога разрешения спустить стрелу огненную в белу грудь крестьянина могучего. Слова поэмы:

А грудь? Илья пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Все терпит богатыры! —

несомненный отзвук федосовского плача.

Но не столько от книги, сколько от жизни шел Некрасов. Как выяснено в одном из интереснейших исследований,⁶ замысел главы о Савелии остро публицистичен.

События, о которых рассказывается в главе «Савелий, богатырь святорусский», развертываются в северо-западной части Костромского края, о чем свидетельствуют названия: Корежина, Буй, Песочный монастырь, Кострома. Оказывается, что выбор места действия, так сказать, «костромская топография» не случайны в поэме.

Придя в город («Губернаторша»), Матрена с удивлением останавливается перед памятником Сусанину:

⁶ Тарасов А. Ф. О местных источниках поэмы // Истоки великой поэмы. Ярославль, 1962. Все дальнейшее — о связи образа Савелия с Сусаниным — на ее основе.

Стоит из меди кованый,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
— Чей памятник? — «Сусанина».

То, что Савелий сравнивается с Сусаниным, — многократно отмечалось в литературе, но научные изыскания показали, что внутренняя связь образа Савелия с Сусаниным гораздо глубже и сложнее, чем это казалось. Именно в ней скрыта тайна рождения образа.

Костромские «приметы» главы «имеют под собою особый смысл. Дело в том, что Иван Сусанин родился в тех же местах, в деревне Деревеньки Буйского уезда. Погиб он, судя по преданию, километрах в сорока от Буя, в болотах под селом Юсуповым».⁷

Как известно, патриотический подвиг Сусанина был истолкован в монархическом духе, любовь к царю и готовность отдать за него жизнь объявлялись чертами, выражающими самую сущность русского крестьянства. В 1851 году в Костроме был поставлен памятник Сусанину (скульптор В. И. Демут-Малиновский). У подножия шестиметровой колонны, увенчанной бюстом Михаила Романова, коленопреклоненная фигура Ивана Сусанина. Бывая в Костроме, Некрасов не раз видел этот памятник.

4 апреля 1866 года революционер Каракозов совершил неудачное покушение на царя Александра II. Новый «спаситель царя», Осип Комиссаров, случайно оказался костромичом (из того же, что и Сусанин, Буйского уезда) и был немедленно провозглашен в официальных кругах «преемником славы Ивана Сусанина». Мысль о том, что «дух Сусанина живет в сердцах костромичей», что костромские мужики — типичнейшие представители великорусского крестьянства — всегда готовы отдать «жизнь за царя» — на все лады скандировалась в консервативной прессе конца 60-х годов.

«Поселив своего бунтарского героя — Савелия, богатыря святорусского — в костромскую „корежину“, на родину Сусанина и Комиссарова, исконную вотчину Романовых, отождествив устами Матрены Тимофеевны Савелия с Сусаниным, Некрасов показал, кого в действительности родит костромская „корежская“ Русь, каковы в действительности Иваны

⁷ Там же. С. 57.

Сусанины, каково вообще русское крестьянство».⁸ На памятнике Сусанин изображен коленопреклоненным перед царем. Некрасов, описывая памятник, как удачно выразился А. Ф. Тарасов, ВЫПРЯМИЛ Сусанина («Стоит из меди кованый / Мужик на площади»), а о бюсте Михаила Романова даже не упомянул.⁹ Так, в полемике против фальсификации представлений о сущности характера русского мужика родился новый образ поэмы.

В село Юсупово, где погиб Сусанин, Некрасов вместе с Гаврилой Захаровым ездил весно 1869 года, а может быть, и позже. «Не там ли, „под селом Юсуповым“, у охотничего костра, в кругу „друзей-приятелей“ из народа, под впечатлением их рассказов об Иване Сусанине (быть может, расходящихся с официальной версией) и родилась у Некрасова первая мысль о Савелии, богатыре святорусском, о сопоставлении его с Иваном Сусаниным?»¹⁰

Сюжетом главы «Савелий, богатырь святорусский», действие которой сосредоточено в глухом медвежьем углу, гуще костромских лесов и болот, поэт заявляет, что «даже в самой глухой стороне просыпается мужик».¹¹ Об этом говорит и образ Савелия — эпически обобщенный образ подымавшегося на борьбу русского крестьянства.

Некрасов дает в поэме необычайно глубокий анализ особенностей крестьянского движения своей эпохи, крестьянской Руси в ее силе и слабости. Автор эпопеи обращает внимание на богатырскую мощь «богатыря сермяжного» (русского крестьянина), казалось бы, трудно совместимое с ней долготерпение и стихийный характер его бунтарства.

Русский мужик терпелив. Молчаливо терпит Корежина дранье Шалашникова. О внутренней силе, гордости («Вот были люди горды!») свидетельствует это умение сдержать нарастающий гнев, встать выше побоев и истязаний:

Как ни деря, собачий сын,
А всей души не вышибешь...

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Памятник Сусанину работы В. И. Цемут-Малиновского снесен в 30-е годы нашего века. В духе «проекта» Некрасова к 50-летию Октября народному героя в Костроме поставлен новый памятник.

¹⁰ Тарасов А. Ф. О местных источниках поэмы. С. 60.

¹¹ Там же. С. 39.

В этом терпении — не покорность и рабская кровь, а здравый смысл и сила духа:

А потому терпели мы,
Что мы — богатыри.
В том богатырство русское.
...И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?

Между корежинцами и Шалашниковым происходит своеобразное состязание в силе и стойкости, и грубая сила Шалашникова не в состоянии победить внутреннего упорства мужиков, силы их духа: «Дурак же ты, Шалашников!» — насмешливо заявляют корежинцы, потешаясь над барином. Однако

Крестьянское терпение
Выносливо, а временем
Есть и ему конец,

крестьянские «топоры лежат до поры». Заурядные натуры покоряются злу, но народная среда постоянно выдвигает людей, которые встают на борьбу с ним. Эти люди начинают понимать, что излишнее терпение зачастую перерастает в привычку, рождает психологию раба. «Перетерпеть-пропасть...» — формулирует эту мысль Савелий, вставший на путь протesta.

Русский мужик терпелив, но, однажды решившись, уже не страшится препятствий. Доведенные до предела издевательствами «немца-управителя» терпеливые корежинцы, безмолвно согласившись рассчитаться с ненавистным Фогелем, проявляют удивительную решимость и единодушие в действиях. Инициатива принадлежит Савелию. Это он первый легонько толкнул плечом Христиана Християныча к яме. И достаточно этого легкого толчка, искры, чтоб разгорелось пламя народного гнева, дружно заработали под реплику «Надай!» девять лопат...

Утверждая нравственное право народа на борьбу, на расправу с угнетателями, восхищаясь силой и решимостью корежинцев, Некрасов, однако, показывает и обреченность подобных вспышек крестьянского гнева. Савелий с товарищами

В землю немца Фогеля
Христиана Християныча
Живого закопал.

«Что ж дальше?» — спрашивает Матрена, и Савелий отвечает:

«Дальше: дряни!
Кабак ... острог в Буй-городе,
...Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения».

Убив Фогеля, корежинцы возбудили против себя действие силы, стоящей за спиной Фогеля, страшной силы самодержавно-помещичьего государства, с которой не могут справиться даже богатыри, если они одиночки. Старик Савелий размышляет:

Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася?
— Под розгами, под палками
По мелочам ушла!

Поэтому богатырь святорусский и любит повторять: «Недотерпеть — пропасть...» Да, стихийные и разрозненные крестьянские бунты не приведут к Избыткову селу. Это знает Некрасов и все-таки с громадным поэтическим вдохновением говорит о моцки и свободолюбии, о громадной потенциальной силе гнева русского мужика.

В рассказе Савелия есть слова:

Потом... бежал я с каторги...

Образ крестьянина — бунтаря, народного мстителя за вековые обиды первоначально был задуман еще резче. В рукописях остался эпизод, в котором рассказывается, как Савелий, третий раз бежав с каторги, «порядочно на воле погулял». Скитаясь зимой в тайге, он наталкивается на избу, в которой остановились какие-то ненавистные ему чиновники, и, осуществляя свою месть, Савелий сжигает своих врагов:

А двери-то каменьями,
Корнями, всякой всячиной
Снаружи заложу,
Кругом избы валежнику
Понавалю <дубового,>
Зажгу со всех сторон,
Горите <все,> проклятые!

Не выскошишь, не выбежиши!
(Стучи не достучишь!)
Кричи, не докричиши!
А сам заберусь на дерево,
На самое высокое,
И стану я оттудова
Глядеть... (III, 624)

Принято считать, что отказаться от введения этого эпизода в поэму Некрасова заставила оглядка на цензуру. Но хочется заметить и другое. Есть в нарисованной картине что-то жуткое, бросающее зловещие блики, зловещую тень на облик Савелия, противоречащее некрасовской концепции народного характера. Русский мужик скорее благодушен, чем жесток, продуманная и преднамеренная жестокость не характерна для него. Да, доведенные до предела, в порыве праведного гнева корежинцы закапывают в землю Фогеля. Но психологический рисунок тут иной, чем в приведенном фрагменте. Лопаты корежинцев работают под действием стихийного порыва, они выполняют волю коллектива, хотя каждый из участников расправы внутренне смущен жестокостью этой справедливой (ведь «осмынадцать» лет терпели!) воли:

Друг другу не глядели мы
В глаза...

Опомнились и «переглянулись» они лишь тогда, когда дело было сделано. Думается, что не оглядка на цензуру, а художественное чутье заставило поэта отказаться от введения в окончательный текст поэмы фрагмента «А двери-то каменьями...», противоречащего гуманным основам натуры героя.

Нет силы, способной сломить Савелия. «Лет двадцать строгой каторги, / Лет двадцать поселения» лишь укрепили в нем природное свободолюбие, выразившееся в словах: «Клейменый, да не раб!» Став и столетним стариком, он всеми мыслями прикован к прошлому, размышляет о судьбе крестьянства, «о горькой доле пахаря», о путях борьбы и даже в монастыре, куда ушел, виня себя в смерти Демушки, молится «за все страдное русское крестьянство». Правда, в конце жизни Савелий приходит подчас к горьким и безотрадным выводам.

Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти, —

говорит он Матрене, а к крестьянам мысленно обращается со словами:

Как вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!

Но столь характерные для идеологии патриархального русского крестьянства фатализм и религиозность живут в Саве-

лии рядом с не утихшим за долгую жизнь гневом и презрением к тем, кто не способен на борьбу:

Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!

Образ Савелия соотнесен в поэме не только с Иваном Сусаниным, но и с образами русского былевого эпоса. Он — богатырь святорусский. Этой поэтической параллелью утверждается богатырство народа и вера в его неизбывные силы.

Давно установлено, что в характеристике Савелием мужика

(Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?...)

слышится отзвук былины о Святогоре и тяге земной. Святогор-богатырь чувствует в себе силы необъятные.

Кабы я тяги нашел,
Так всю бы землю поднял! —

говорит он. Но, попытавшись поднять сумму переметную с тягой земной,

И по колена Святогор в землю угряз,
А по белу лицу не слезы, а кровь течет...

В поэме:

Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет.

Но почему в творческом сознании Некрасова при характеристике им русского крестьянства возник образ именно Святогора, а не Ильи Муромца, даже не Микулы Селяниновича? Над этим вопросом первый задумался А. И. Груздев и пришел к любопытным выводам. Основываясь на работе фольклориста В. Я. Проппа, он пишет: «Святогор — это богатырь невероятной даже по былинным представлениям величины и силы... Тяжесть и сила Святогора так невероятно велики, что его не держит мать сыра земля... Но, как говорит современный исследователь былин, сила Святогора — „это сила пассивная, дремлющая, она не находит себе применения“. Самый образ этого богатыря — образ неподвижный. Святогор ездит по земле без ясной цели, иногда спит, сидя на своем богатырском коне. Образ Святогора... соответствовал

общей идеи поэмы Некрасова... осуждавшей народную пассивность и возбуждавшей мысль об активной борьбе за независимость».¹²

С этим нельзя не согласиться. Образ Святогора помогает выразить мысль о силе и слабости русского крестьянства, о его могучих, но еще дремлющих силах и неразбуженности, несформированности его социального сознания. К наблюдению А. И. Груздева добавить хочется только одно: сравнение русского мужика со Святогором присутствует в поэме как рассуждение Савелия, Савелия, сознание которого характеризуется не дремотностью, а напряженной многолетней мучительной работой мысли, результатом которой стало презрение к Аникам-воинам, не способным на борьбу, сознание, что лучше каторжное клеймо, чем духовное рабство. А потому образная параллель Святогор — русский мужик никак не может быть распространена на самого Савелия, тоже богатыря святорусского, но иной, не дремотной, а действенной силы.

Итак, глава «Крестьянка» всем смыслом образов Матрены и Савелия утверждает, что «ключи» от народного счастья лежат в неисчерпаемости народных сил, в нарастании гнева народного, что только на верных путях упорной борьбы откроется дороженька к Избыткову селу.

¹² Груздев А. И. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М.; Л., 1966. С. 93.